

Когда мы вернулись в гостиницу, было уже около десяти часов вечера.

Мы с Королёвым как раз пересекали вестибюль, намереваясь заглянуть в ресторан и узнать, не осталось ли чего-нибудь на ужин, когда меня окликнула дежурившая на администраторской стойке младший лейтенант Люда.

— Товарищ Овсянникова! — Она подбежала ко мне трусцой и выпалила: — Администрация подготовила для вас новый номер. Второй этаж, шестнадцатая комната. Это отдельный номер. Багажа у вас нет, так что можете сразу подняться и посмотреть, всё ли вас устраивает.

— Вы это мне? — в замешательстве переспросила я. — Отдельные номера ведь предназначены для генералов, а я всего лишь лейтенант. Вы уверены, что ничего не путаете?

— Не знаю, ничего не знаю. Это решение комиссара гостиницы, — она протянула мне ключи, многозначительно улыбаясь. Вид у неё был такой, будто ей известно гораздо больше, чем она говорит.

Королёв приобнял меня за плечо и с улыбкой произнес:

— Всё устраивается как нельзя лучше! Ну что, Лида, идем. Проводи меня, взглянем на твои новые хоромы.

«С чего бы гостинице делать такие распоряжения?» — с этим вопросом в голове я вместе с Королёвым дошла до своего нового номера. Он взял у меня из рук ключи и отпер дверь. Это была небольшая комната, но в ней уместилось немало мебели: у стены стоял письменный стол, на котором красовался черный дисковый телефон, перед столом — два полукресла, кровать, застеленная темно-синим набивным покрывалом, а в центре комнаты — круглый столик. Прямо над ним с потолка свисала лампа под небесно-голубым тканевым абажуром. Дверь в ванную была полуоткрыта; даже от порога было видно, что отделка там, на порядок выше, чем в общежитиях для персонала.

— Почему мне вдруг выделили отдельный номер? — я растерянно оглядывала обстановку и с некоторой тревогой спросила Королёва: — Дядя Павел, они точно ничего не перепутали?

— Не перепутали, — он усмехнулся. — Будь спокойна, в таких вещах комиссар гостиницы точно не ошибется. Давай-ка поужинаем и поговорим. С этими словами он подошел к письменному столу, снял трубку и набрал номер. — Алло, ресторан? Это шестнадцатый номер, второй этаж. Подайте нам...

Вскоре Акшара принесла на большом подносе ужин, заказанный Королёвым. По меркам того времени трапеза была весьма обильной: тушеная говядина с картофелем в металлической миске, сельдь с красным луком, жареное мясо с кольцами лука под томатным соусом, бутылка грузинского красного вина и два высоких стеклянных бокала. Акшара расставила всё это на столе, протянула мне зимнюю меховую шапку, полагающуюся к шинели, и, отклонив наше приглашение разделить трапезу, удалилась.

— А теперь присядем, дорогая, — Королёв придвинул два кресла к круглому столику и сделал приглашающий жест. — Ну, давай, давай! Приступим к еде.

Он откупорил бутылку штопором, наполнил бокалы и, протянув один мне, сказал:

— Нет никаких сомнений, что комиссар распорядился о номере, только когда узнал о твоём выступлении в Кремле. Это особая привилегия. Рассказывай, как у тебя хватило смелости выйти на трибуну? Сейчас, вспоминая всё это, мне кажется, будто это был сон.

Я взяла бокал, поставила его перед собой и, слегка смутившись, ответила:

— Я просто услышала спор маршала Шапошникова с генерал-полковником Коневым. Мне показалось, что слова генерала очень дельные, и его нужно поддержать. Вот я и передала записку в президиум. Сама не верила, что её передадут... Вот и всё, так всё и вышло.

Он взглянул на меня и, недоверчиво покачав головой, улыбнулся.

— Дорогая, ты говоришь — просто передала записку. Написала пару строк, и всё? — Видя, что я молчу, он продолжал расспрашивать: — И неважно, в каком ты звании, просто взяла и написала? Может, тебя за генерала приняли? Кстати, звание свое ты указала?

— Разумеется, я написала имя и звание, — я поспешила сменить тему. — Давайте выпьем, а, дядя Павел? — С этими словами я подняла свой бокал.

— Нет, погоди! — взволнованно воскликнул Королёв и быстро накрыл мой бокал своей широкой ладонью. — Я просто хочу уяснить. Если бы мне сказали, что Лида Муштакова-Овсянникова повела бойцов в атаку, я бы поверил не задумываясь. Что собственноручно сбита немецкий самолет или подбила танк... это я тоже допускаю. Но чтобы такое!.. Просто ушам не верится. Посуди сама: в зале Сталин! Народные комиссары! Маршалы! Вокруг меня одни генералы. И вдруг слышу, как товарищ маршал объявляет: «Слово предоставляется товарищу Овсянниковой, Ленинградский фронт!» Я сначала совсем голову потерял: вроде всех командиров фронта знаю, откуда взялась какая-то Овсянникова? Да еще и женщина. Поднимаю глаза — и обмер! Матушка ты моя! Это же Лида по проходу вышагивает. Послушай, честное слово, если бы я в тот миг стоял, а не сидел, у меня бы точно ноги подкосились от страха за тебя!

Я лишь улыбнулась в ответ, ничего не сказав.

Королёв всплеснул руками, а затем энергично тряхнул головой.

— Ну ладно. Давай выпьем. Поздравляю тебя! Нет, постой! — Он вдруг что-то вспомнил и снова накрыл мой бокал ладонью. — Сначала нужно прояснить самое важное. Что товарищ Сталин сказал тебе в самом конце?

— Вы разве не слышали? Он сказал, что я могу получить более высокое воинское звание, — ответила я с некоторым недоумением. Ведь когда мы со Сталиным стояли перед микрофонами, каждое слово должно было быть отчетливо слышно всему залу.

— Слышал, слышал! Но именно потому, что слышал это своими ушами, мне и кажется всё это чем-то невероятным. Понимаешь, в структуре нашей армии высшее звание для женщины-военнослужащей — это лейтенант. А ты его уже получила. Дальнейшее повышение кажется почти невозможным.

— Это дело Верховного Главнокомандующего, не нам об этом беспокоиться. Давайте лучше выпьем, дядя Павел.

Мы чокнулись и осушили бокалы до дна. Королёв снова наполнил их вином, затем подцепил вилкой кусочек жареного мяса, обмакнул его в томатный соус, заел кольцом лука и продолжил:

— Конечно, если он заявил об этом с трибуны, то завтра же тебя могут произвести в капитаны. И хотя раньше пределом был лейтенант, не исключено, что ради тебя он лично прикажет отменить ограничения по званиям для женщин. В общем, удача тебе улыбнулась вовсю! Дать тебе слово на таком совещании, привлечь его внимание... — произнося «его», он особенно выделил это слово интонацией. — Сама видишь, какой эффект: комиссар гостиницы сразу подсуетился! — Он поднял бокал, оглядывая комнату. — Полковники до сих пор теснятся по двое в номере, а ты уже пользуешься привилегией отдельной комнаты. Давай же, за твое везение, еще по одной!

И мы снова выпили до дна.

Королёв вылил остатки из бутылки, как раз наполнив бокалы в третий раз. Глядя на то, как он разливает вино, я втайне посочувствовала напитку: пить такое хорошее столовое вино подобным «лошадиным» способом — просто кощунство. По канонам «мелкобуржуазного» этикета из будущего следовало бы налить лишь на треть, слегка покачать бокал, вдохнуть аромат, поднеся нос к краю, и сделать крошечный глоток, смакуя букет. А не так, как мы — залпом, когда вино даже не задерживается во рту, проскакивая через горло напрямик в желудок.

Я наколола на вилку кусочек говядины и спросила Королёва, который в это время уплетал сельдь:

— Дядя Павел, а когда мы возвращаемся в Ленинград?

— Завтра вечером, — ответил он с набитым ртом, отчего слова прозвучали невнятно.

— Поездом? — В Москве вокзалы находятся на Комсомольской площади; если ехать поездом, я как раз могла бы попробовать разыскать родных Кати, чтобы сообщить им о её гибели.

— Нет, не поездом, — он проглотил рыбу, вытер рот салфеткой и заговорил уже серьезно: — Обстановка сейчас крайне тяжелая. Ленинград окружен немецко-фашистскими захватчиками, сухопутное сообщение с остальной страной полностью прервано, железная дорога на Москву перерезана. Возвращаться будем самолетом.

<http://bllate.org/book/16020/1429220>